

18+

Ксения Кано

Путь в темноте

<https://litres.ru/74491143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тёмные называют её Ключом. Но дверь, которую она пыталась закрыть, всё ещё открыта.

Мир называет её узлом. Но нити, что держали её, стали тоньше.

Они называют её любимой. Но выдержит ли любовь то, что ждёт вперёд?

Она спасла одного — и потеряла часть себя. Теперь они втроём идут по землям, которые больше не принадлежат людям. Там Тёмные не бродят вслепую — они ждут. Одни хотят вернуться домой. Другие забыли, что такое дом. И все они чувствуют её.

Яна должна закончить то, что начала. Но сначала ей придётся понять, чем она стала. И чем стали они — друг для друга.

Впереди — путь, которого нет на картах. У каждого своя цель. И у каждого — своя цена.

Содержание

Пролог. 12 лет назад	4
Глава 1. После	9
Глава 2. Новая сила	20
Глава 3. Страх	30
Глава 4. Нити	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ксения Кано

Путь в темноте

Пролог. 12 лет назад

Он не чувствовал боли.

Это было странно. Рана в боку, из которой уходила кровь, должна была жечь, рвать, заставлять кричать. Но Гриша ничего не чувствовал — только холод, медленно поднимающийся от ног к груди, как вода в затопляемом подвале.

Он лежал на земле, и дождь стучал по его лицу. Он не моргал. Веки стали тяжёлыми, как свинец. Ему хотелось в последний раз посмотреть на дождь. И видеть девушку, что сидела рядом с ним.

Она держала его за руку. Её ладонь была горячей — слишком горячей. Ему казалось, что в ее ладони собралось все тепло мира. Гриша чувствовал, как её пальцы дрожат, как она сжимает его руку — сильно, отчаянно, будто пытается удержать его на самом краю темной пропасти.

Он знал, что умирает.

Знал по тому, как Лина — молоденькая, бледная, с трясущимися руками — посмотрела на него и отвела взгляд. Знал по тому, как Павел — огромный, горячий, злой — стоял в стороне и сжимал кулаки. Знал по тому, как Яна сжимала

его руку.

Он не боялся. Странно, он никогда не считал себя смелым, а вот сейчас не боялся. Может, потому что смерть была где-то рядом все эти годы. Или потому, что видел, как умирают другие. А может просто знал: это случится. Рано или поздно. Со всеми.

Он боялся только одного: что его дар — слабый, почти искра — вырвется наружу, когда он умрёт. И это станет приговором для кого-то ещё. Тех, кто был рядом. Тех, кто выжил.

Яна видела это. Он прочитал по её глазам. По тому, как она смотрела на него — не с жалостью, а с чем-то другим. С пониманием. С решимостью.

Она что-то говорила. Он не слышал слов — только звук голоса. Тихий, спокойный. Как будто она не прощалась. Как будто она просто сидела рядом.

А потом он почувствовал ее силу.

Ту, что жила внутри неё. Ту, что она сама ещё не понимала. Гриша почувствовал это — как прикосновение к самому сердцу, к тому, что было глубже тела, к той искре, что тлела в нём с самого дня Катастрофы.

И тогда мир исчез.

Сначала была темнота. Не та, что приходит, когда закрываешь глаза, а другая — густая, бездонная, как колодец. Гриша падал в неё медленно, будто сквозь воду. Он не сопротивлялся. Не было сил. Не было желания.

А потом появился свет.

Он не был ярким, не резал глаза. Просто свет — тёплый, золотистый, как светит солнце сквозь закрытые веки. Он разливался вокруг, и в этом свете Гриша вдруг увидел нити.

Они были везде. Тонкие, дрожащие, переплетённые между собой. Они тянулись от него — во все стороны. К людям, которых он знал. К местам, где бывал. К дням, которые помнил. Каждая нить была как струна — натянутая, живая, тёплая.

Он смотрел на них и понимал: это не просто нити. Это связи. То, что делало его — им. То, что держало его в мире. То, что он оставлял после себя.

И одна из них вела к ней. К Яне.

Она была ярче остальных. Плотнее. Как канат среди паутины. Она тянулась от его груди — туда, где сидела девушка с горячими руками. И Гриша вдруг понял: это не он держит её. Это она держит его. Она всегда держала. С самого дня Катастрофы. Просто он не знал.

А потом он увидел другое.

Нити тянулись не только от него. Они тянулись от всех — от Павла, жаркие и рвущиеся, как пламя; от Артура, холодные и прочные, как лёд; от Лины, тонкие и дрожащие, но неразрывные. От каждого одарённого, которого он когда-либо встречал.

И все они сходились в одной точке. В ней.

В Яне.

Она была не просто девушкой. Не просто одарённой. Она

была узлом. Местом, где всё сплеталось. Где всё держалось. Где всё становилось одним.

Гриша смотрел на это и чувствовал, как что-то внутри него — та самая искра, слабый дар — тянется к ней. Не для того, чтобы отдать силу. Для того, чтобы слиться с другими. Что бы остаться внутри узла и навсегда вплести себя в часть чего-то большего.

Он не боялся. Он хотел этого. Хотел, чтобы то, что он оставляет, было не пустотой, а частью чего-то большего.

— Ты — узел, — прошептал он. Не губами. Не голосом. Тем, что оставалось от него в этом свете. — Ты всегда была узлом.

Она не слышала. Не могла слышать. Она была по другую сторону — там, где дождь, где кровь, где смерть. Но он знал: однажды она поймёт. Однажды она увидит то же, что видел он.

— Я не первый, — сказал он. — Но, может быть, первый, кто говорит с тобой. Первый, кто остался.

Свет начал гаснуть. Медленно, неохотно, как закат. Нити истончались, рвались, уходили в темноту. Но одна осталась. Та, что тянулась к ней. Та, что стала частью узла.

Гриша закрыл глаза.

Он умер без боли.

Яна забрала не только его силу. Она забрала его страх. Его одиночество. Его пустоту. Всё, что делало смерть страшной. И оставила только тепло. Только свет. Только нить, которая

теперь была частью чего-то большего.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, что ждёт её. Не знал, что ждёт мир. Но он знал одно: он был первым, кто говорил с ней из темноты. Первым, кто оставил не только силу, но и слова. И от него потянется дальше. К другим. К тем, кого она ещё встретит. К тем, кого она спасёт. К тем, кто станет частью её.

Он был первым, кто говорил.

Глава 1. После

Очнулась я от холода. Я лежала на чём-то мягком. Пахло дымом и травами. Где-то рядом потрескивал костёр.

Я открыла глаза.

Небо было серым. Я видела его сквозь ветви — кривые, чёрные, без листьев. Деревья. Настоящие деревья. Не камни. Значит, мы не на плато.

Я повернула голову.

Артур лежал рядом. На боку, лицом ко мне. Его грудь медленно поднималась и опускалась. Дыхание было ровным. Живым. Рана на груди — я видела её сквозь разорванную рубашку — затянулась. Остался только шрам. Розовый, свежий, но уже не смертельный.

Я смотрела на него долго. Слишком долго, наверное. Потому что всё ещё не верила. Всё ещё ждала, что он откроет глаза. Или что грудь перестанет подниматься. Что угодно.

Он не открывал. Но и не переставал дышать.

Павел сидел у костра. Спинай к нам. Его плечи были напряжены, и я видела, как в свете огня поблёскивает его меч — он держал его на коленях, готовый в любой момент вско-чить.

— Паш, — позвала я.

Он обернулся мгновенно. Его лицо — в кровоподтёках, с рассечённой бровью — осветилось. Он поднялся, подошёл,

опустился на колени рядом. Его рука — горячая, шершавая — легла мне на лоб.

— Жара нет, — сказал он, будто самому себе. — Хорошо.

— Где мы?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Я очнулся через пару часов. Или через день. Не помню. Ты была без сознания. Артур тоже. Я перетащил вас сюда — тут укрытие, деревья, костёр. Дальше не пошёл. Не мог оставить вас.

Я посмотрела на Артура.

— Он?

— Дышит. Ровно. — Павел помолчал. — Я думал, он не выкарабкается. Рана была... плохая. Но она затянулась.

— Что случилось? На плато.

Павел сел удобнее, прислонившись спиной к стволу. Он смотрел не на меня, а на огонь. И говорил медленно, будто заново переживая каждую секунду.

— Мы с Артуром держали их, как могли. Он был больше в защите, а я, как обычно, нападал. Было чувство, что я сам стал огнем. Ты ушла к Двери. Я не видел, что ты делала — только свет. Сначала слабый, потом ярче. А потом то усиление, что ты нам дала, — оно начало спадать. Как будто ты забирала его обратно. Или оно само уходило. Я не знаю.

Он замолчал. Я видела, как ходят желваки на его скулах.

— Драться стало тяжело. Очень тяжело. Тёмных было слишком много. Мы с Артуром отступали. Шаг за шагом. Он уже еле стоял. Я тоже. А потом они остановились. Просто

замерли. Все. Сразу. Как будто кто-то дал команду.

— И что было дальше?

— Я обернулся. — Павел поднял на меня глаза. — Я обернулся, чтобы посмотреть, что с тобой. И увидел, что ты... растворяешься. Как будто свет внутри тебя стал слишком ярким. Как будто ты стала им. Я не знаю, как это объяснить.

Я молчала. Я помнила. Помнила, как отдавала. Как отдавала всё. Как свет шёл из меня, и я не могла остановиться.

— А потом был взрыв, — продолжил Павел. — Совсем беззвучный. Но он раскидал всех. Тёмных. Меня. Артура. Камни. Всё. Я очнулся не сразу. Не знаю, сколько прошло. Когда пришёл в себя — первое, что сделал, — пошёл искать вас.

Он замолчал. Надолго. Я не торопила.

— Ты лежала на камнях. Вся в свете. Он лился из тебя — тихо, как вода. И окутывал Артура. Я подошёл ближе. Увидел, что он... — Павел сглотнул. — Он не дышал. Я видел, что не дышал. Я стоял и смотрел, как свет входит в него. А потом свет погас. И он вдохнул.

Он замолчал. В костре треснула ветка.

— Темных к тому моменту уже не было. Ни одного. Я не знаю, куда они делись. Может, ушли. Может, их не стало. Я не знаю.

— Дверь?

— Она осталась. Я не подходил к ней. Я унёс тебя оттуда, потом вернулся за Артуром. Мне показалась, что она стала

меньше. Но тогда она интересовала меня меньше всего. Мне хотелось просто унести тебя оттуда. Подальше. И верить, что вы очнетесь.

Я лежала, глядя в ветви над головой. Я вспоминала, как увидела Артура, истекающего кровью и без дыхания. Как хотела его спасти. Как из меня вырвалась неизвестная сила. И как эта сила окутала Артура

Я попробовала потянуться к ней. Как раньше тянулась к метке. К дару.

Ничего.

Пустота. Ровная, гладкая. Как камень.

— Не получается? — тихо спросил Павел. Он видел. Конечно, он видел.

— Нет.

— Сейчас ты слишком слаба. Дай себе время.

Я закрыла глаза. Хотела рассказать ему. О том, что видела. О том, что помнила. О Тёмном. О том, что приходило ко мне. О том, что говорило о Двери, о ключе, о мире. Но слова не шли. Мысли расплзались, как мокрый снег.

Павел, кажется, понял.

— Потом, — сказал он. — Не сейчас. Сейчас ты поешь, и спать. Всё остальное — потом.

Он помог мне сесть. Дал лепёшку — жёсткую, но съедобную. Кружку воды. Я ела медленно, через силу. Смотрела на Артура. На его лицо — уже не белое, а просто бледное. На его грудь, которая поднималась и опускалась.

Жив. Дышит. Всё остальное — потом.

Я легла обратно. Павел накрыл меня своим плащом — тем самым, тёплым, пахнущим дымом и кожей. Я хотела что-то сказать, но не успела. Сон накрыл меня мягко, без снов.

Во второй раз я проснулась оттого, что кто-то рядом шевельнулся.

Я открыла глаза. Свет изменился — стал ярче, будто прошло несколько часов. Павел сидел на том же месте, но теперь он не смотрел в огонь. Он смотрел на Артура.

Артур открыл глаза.

Мутные. Далекие. Но его. Он моргнул. Потом ещё раз. Потом медленно повернул голову — к нам. К Павлу. Ко мне. И остановился.

— Ты жива, — прошептал он.

Голос был хриплый, сорванный.

— И ты, — ответила я.

Он попытался улыбнуться. Улыбка вышла слабой, но настоящей. Павел уже подносил флягу. Артур сделал несколько глотков, поморщился, но не отвёл от меня взгляда.

— Сколько? — спросил он.

— День. Или два, — ответил Павел. — Я не считал.

Артур медленно сел. Я видела, как он борется с телом — как напрягаются его плечи, как дрожат руки. Но он сел. Сам.

Он посмотрел на свою грудь. На шрам. Провёл по нему пальцами. Долго молчал.

— Я помню, — сказал он наконец. — Помню, как мы дра-

лись. Помню, как ты ушла к Двери. Помню свет. А потом — темнота. И тепло. Оно было таким... Даже не знаю, как объяснить. Родное. Как будто кто-то держал меня.

Он поднял на меня глаза.

— Это была ты.

Я не ответила. Только кивнула.

— Что произошло? — спросил он. — После того, как я... отключился.

Я посмотрела на Павла. Он кивнул — коротко, ободряюще. И я начала говорить.

Рассказала про Дверь. Про то, как поняла, что не могу открыть её — что я не тот ключ. Про то, как сила хлынула из меня. Про то, что видела Тёмного — того самого, что приходил ко мне во снах. Про то, что он сказал: я — ключ не от их двери. Про то, что приходило ко мне потом — часть мира. Что одарённые — это ответ мира на приход Тёмных. Что она передала мне свои силы. И что теперь всё будет по-другому.

Я говорила долго. Артур слушал, не перебивая. Павел тоже. Только огонь трещал в костре.

Когда я закончила, Артур долго молчал.

— Значит, Дверь не закрыта, — сказал он наконец.

— Да, — честно ответила я. — Она говорила, что Дверь можно закрыть. Навсегда. Но не так, как я пыталась. Не одной.

— А как?

— Не знаю. Пока не знаю.

Павел подкинул ветку в костёр. Огонь вспыхнул ярче.

— Что дальше? — спросил он. — Возвращаемся в общину?

— Не знаю, — повторила я. — Не знаю, где мы. Не знаю, сколько идти. И я пока не могу идти вообще.

— Это временно, — сказал Артур. Он всё ещё был бледен, но говорил уже твёрже. — Мы восстановимся. И найдём дорогу.

— А если Дверь снова откроется? — тихо спросил Павел. — Пока мы будем восстанавливаться?

Мы молчали. Ответа не было.

И в этот момент я услышала шум.

Не ветер. Не зверь. Шаги. Медленные, осторожные. Но шаги. Кто-то шёл к нам.

Павел вскочил мгновенно. Его меч вспыхнул — я даже не увидела, как он успел его вытащить. Огонь побежал по лезвию, и в его свете я увидела лицо Павла — собранное, злое, готовое.

Артур встал. Тяжело, пошатываясь, но встал. И выбросил руку — воздух вокруг него дрогнул, покрываясь изморозью. Лёд пополз по земле, тонкий, блестящий.

Я смотрела на них — на огонь и лёд, — и чувствовала.

Их сила. Она изменилась. Стала стабильнее. Ярче.

Они посмотрели друг на друга. Потом на меня.

— Чувствуешь? — спросил Павел.

— Да, — ответил Артур. — Сила стала... послушнее.

— И сильнее, — добавил Павел. — Намного.

Я смотрела на них и понимала: после всего, что произошло после того, как я отдала всё, что было, что-то изменилось. И в них тоже. Их сила стала глубже. Стабильнее. Как будто то, что я в них вложила, осталось. Осело. Стало частью.

Шаги приблизились.

Из-за деревьев вышла женщина.

Высокая, худая. В тёмном плаще, с капюшоном, откиннутым на плечи. Шрам через всю щёку. Волосы цвета пыли, забранные в узел. Она не выглядела ни дружелюбной, ни враждебной. Только усталой. И внимательной.

Она остановилась в нескольких шагах от костра. Посмотрела на меч Павла. На лёд Артура. Потом на меня.

И я почувствовала её.

Как волну. Холодную, тяжёлую. Чужой страх. Не мой. Он шёл от неё — и в то же время был её частью. Как будто она была не источником, а проводником.

— Я не враг, — сказала женщина. Голос был низкий, спокойный. — Опустите оружие. Если бы я хотела напасть, я бы не стала шуметь.

Павел не двинулся. Артур тоже.

— Кто ты? — спросил Павел.

— Виолетта. — Пауза. — Вель.

Она смотрела на меня. Долго. Не отводила взгляда.

— Ты сделала это.

— Что?

— Свет. — Она кивнула куда-то в сторону, за деревья. —

Три дня назад. Я видела. Далеко. Но видела.

Павел переступил с ноги на ногу. Меч не опустил.

— Ты одна?

— Да.

— Давно?

— Семь лет. — Она помолчала. — Здесь. В этих местах.

Артур чуть опустил руку. Лёд на земле подтаял, но не исчез.

— Ты знаешь, где мы?

— Знаю. — Вель снова посмотрела на меня. — Знаю эти земли. Воду. Еду. Места, где можно спрятаться.

— От кого? — спросил Павел.

— От них. — Она не уточнила. Не нужно было. — Я их чувствую. Всегда. Задолго до того, как они подходят. Это мой дар. Я чувствую страх. И передаю его.

Павел сжал меч сильнее.

— Полезно.

— Не всегда.

Она замолчала. Смотрела в огонь. Долго.

— Я не бывала на плато, — сказала она наконец. — Видела. Далеко. Не подходила. Никогда. Слишком близко. Слишком ярко.

— А в тот день? — тихо спросила я.

— В тот день я почувствовала. — Вель подняла на меня

глаза. — Сначала — их. Много. Все шли туда. К плато. Потом — свет. А потом...

Она замолчала. Подбирала слова.

— Что? — спросил Артур.

— Тепло. — Вель сказала это просто. Без пафоса. — Я почувствовала тепло. Не как от огня. Другое. Как будто кто-то взял за руку. Как будто я не одна.

Она посмотрела на меня. Прямо. Без страха.

— Я не чувствовала такого семь лет. С тех пор, как у меня открылся дар. Я забыла, что так бывает.

Павел опустил меч. Не убрал. Но опустил.

— Ты хочешь пойти с нами, — сказала я. Не спросила.

— Да. — Вель кивнула. — Я хочу найти того, кто это сделал. Хочу понять, что это было.

— А если это будет опасно?

— Всё опасно. — Она усмехнулась. Горько. — Семь лет я живу в опасности. Устала.

Артур посмотрел на меня. Я — на Павла. Он долго молчал. Потом убрал меч в ножны.

— Идём вместе, — сказала я.

Вель кивнула. Подошла к костру. Села. Протянула руки к огню. Не спросила разрешения. Просто села.

Мы сидели вчетвером. Молчали. Огонь трещал, и в его свете я видела лица — усталые, насторожённые. Но живые.

Я закрыла глаза. Сила всё ещё была там. Слабая, далёкая. Но она возвращалась. Медленно, капля за каплей. Как вода

в колодце после долгой засухи.

Я не знала, что будет дальше. Не знала, где мы. Не знала, что случилось с Дверью.

Глава 2. Новая сила

Утром Павел решил разжечь костёр.

Он делал это сотни раз. Тысячи. Привычным движением — щепоть сухих веток, ладонь над ними, лёгкий импульс. Искра. Маленький огонёк, который потом разгорится.

Он направил силу.

Костёр взорвался.

Не в прямом смысле — но я едва успела отшатнуться, когда пламя взметнулось выше моего роста. Огонь рванулся вверх, затрещал, лизнул ветви над нами. Павел отпрянул, выставив руки, — и только тогда пламя начало опадать. Медленно, неохотно, как будто хотело остаться.

Мы все замерли.

— Ты как? — спросил Артур, поднимаясь. Он был бледен, но уже держался на ногах.

— Нормально. — Павел смотрел на свои ладони. — Я не... Я не вкладывал столько.

— А сколько вложил?

— Столько же, сколько всегда.

Вель сидела у ствола, привалившись спиной к дереву. Она не вздрогнула. Не отшатнулась. Только смотрела на Павла внимательно, как смотрят на зверя, который ещё не решил, опасен он или нет.

— Ярко, — сказала она. Просто.

Павел посмотрел на неё.

— Ты что-то чувствуешь?

— Да. — Она помолчала. — Ты громкий. Слишком.

Павел нахмурился, но ничего не сказал. Он не понял — а я поняла. Вель не знала, каким он был раньше. Она просто чувствовала то, что есть сейчас. И то, что есть сейчас, было слишком ярким даже для неё.

Артур шагнул к костру. Он был ещё слаб — я видела, как он бережёт каждое движение, — но держался ровно. Он протянул руку к нашей кружке с водой. Хотел остудить. Мелочь. Обычное дело.

Кружка покрылась льдом.

Полностью. До самого дна. Вода внутри застыла мгновенно, и тонкая корка инея поползла по стенкам, перебираясь на его пальцы. Артур отдёрнул руку. Помолчал. Потом посмотрел на меня.

— Тоже самое, — сказал он. — Я вложил минимум сил.

Я кивнула.

Я чувствовала это. Их сила раньше ощущалась как две отдельные реки — жаркая и холодная. Теперь это походило на бушующее море, оно было шире, глубже и намного опаснее. Но в то же время, я чувствовала спокойствие и стабильность их сил. Их наполненность. Как будто то, что произошло на плато укрепило и наполнило их.

И я чувствовала их силы так же чётко, как раньше — до того, как отдала всё.

Значит, мой дар возвращался.

Медленно. По капле. Но возвращался.

— Попробуй ещё раз, — сказала я Павлу. — Медленно. Меньше, чем обычно. Намного меньше.

Он кивнул. Собрался. Направил силу — осторожно, как незнакомое оружие в первый раз. На этот раз костер вспыхнул чуть менее интенсивно. Но все равно намного сильнее, чем раньше.

Павел выдохнул и задумчиво посмотрел на свои руки.

— Привыкну, — сказал он. Не мне. Себе.

Вель поднялась. Подошла к костру. Села на корточки — близко к огню, ближе, чем стоило бы. Она протянула руки к пламени, и я почувствовала, как от неё идёт волна. Мягкая. Ровная. Не страх.

— Что ты делаешь? — спросил Артур.

— Греюсь. — Она помолчала. — Мне всегда холодно. С тех пор, как я одна.

Она не жаловалась. Просто сказала. Но в этой фразе была заключена вся ее боль.

К полудню мы смогли идти.

Медленно. Очень медленно. Я шла, опираясь на Павла. Каждый шаг отдавался в теле тупой болью, и я чувствовала, как он напрягается, чтобы не дать мне упасть. Артур шёл сам — опираясь на палку, но сам. Он восстанавливался быстрее. Я видела это по тому, как выравнивалось его дыхание, как возвращался цвет лицу.

Вель вела нас. Она двигалась бесшумно, ступая по земле так, что не тревожила ни одной ветки. Иногда останавливалась. Прислушивалась. И шла дальше.

— Куда мы? — спросил Павел через час.

— К ручью. — Вель не обернулась. — Здесь недалеко. Вода. Еда. Можно передохнуть.

— Откуда ты знаешь эти земли? — спросил Артур.

Она помолчала.

— Ходила. Много. Пешком. Одна.

— Почему здесь? — не отставал Артур. — Почему не осталась ближе к людям?

Вель остановилась. Обернулась. Посмотрела на него. Долго.

— Потому что люди боятся, — сказала она. — А я чувствую их страх. Постоянно. А они чувствуют меня.

Она перевела взгляд на Павла.

— Ты. Ты сейчас боишься. За неё.

Павел не ответил. Сжал челюсти.

— И за себя, — добавила Вель. — Немного. Не признаёшься.

Она повернулась и пошла дальше.

Павел посмотрел на меня. Я пожала плечами. Я тоже это чувствовала — слабо, но чувствовала. Вель не читала мысли. Она читала то, что люди чувствовали, но часто скрывали, даже от самих себя.

Это было неудобно. Но честно.

К ручью мы вышли ближе к вечеру.

Вода была ледяной, чистой. Я села на берег, опустила ладони в поток, и холод разлился по рукам, по плечам, по всему телу. Хорошо. Это помогло мне почувствовать себя настоящей. Живой.

Артур сидел рядом. Молчал. Смотрел на воду.

— Как ты? — спросила я.

— Сила возвращается. А тело... — Он помолчал. — Тело ещё догоняет.

— Это хорошо.

— Это странно. — Он повернул ко мне лицо. — Я всегда контролировал лёд. Держал его. А сейчас он ведёт себя так, будто стал больше, чем я. Как будто... во мне теперь не осталось свободного места. Он занял всего меня. И это пугает.

Я задумалась.

— После того, что случилось там... на плато, — сказала я медленно. — Что-то осталось. Во мне. В тебе. И в Павле. Как будто часть того света осела. Сделала вас сильнее.

— Только нас?

— Я не знаю, — мне захотелось отвести взгляд. — Моя сила еще не восстановилась.

Он посмотрел на меня очень внимательно. Потом взял мою руку — холодными пальцами, но не ледяными. Просто прохладными. Слегка сжал. Я видела, что он хочет что-то сказать, и даже догадывалась, что именно. Но он молчал. Наверное, еще не нашел нужных слов.

Мы сидели так, пока Павел не позвал нас к костру.

Вель уже была там. Смотрела в огонь. Рядом лежала рыба — три штуки, выпотрошенные, готовые к жарке. Я не заметила, когда она успела их поймать.

— Ты поймала? — спросил Артур.

— Поймала.

Павел усмехнулся. Покачал головой. Но ничего не сказал.

Рыба была хорошей. Мы ели молча, и в этом молчании было спокойнее, чем в любом разговоре. Вель ела мало. Быстро. Как зверь, который привык есть, пока дают.

После еды она снова посмотрела в огонь. И заговорила.

— Тот день, — сказала она. — Вы спрашивали.

Мы замерли.

— Я почувствовала их первой. Тёмные. Много. Все шли в одну сторону. К плато. — Она помолчала. — Я ушла тогда. Подальше. Спряталась. Так делаю всегда. Переждать.

— И? — тихо спросила я.

— Свет. Яркий. Далеко. Но я видела. — Она подняла на меня глаза. — А потом — человек.

Павел насторожился.

— Какой человек?

— Один. Шёл от плато. Быстро. Не оглядывался.

— Как он выглядел? — спросил Артур.

Вель задумалась. Подбирала слова. Как всегда — короткие. Точные.

— Высокий. Немолодой. Тёмные волосы. С сединой. Уве-

ренный. Так ходят те, кто привык, что его слушают.

Мы переглянулись. Я знала это описание. Артур сжал челюсти.

— Алексей, — сказала я.

Вель посмотрела на меня. Не спросила, кто это.

— Может быть.

— Что ещё? — спросил Павел. — Ты что-то почувствовала?

Вель молчала. Долго. Смотрела в огонь. И когда заговорила, голос был другим. Не спокойным. Насторожённым.

— Я чувствовала силу. Но не как всегда. Как тебя, но по-другому. — Она посмотрела прямо на меня. — Он был одарённым.

Тишина.

Я смотрела на неё и чувствовала, как холодеет внутри.

— Ты уверена? — спросила я.

— Да. Я чувствую это. Одарённые... — она запнулась, подбирая слово, — громкие. Яркие. Их слышно. Даже без дара. Даже когда они прячутся. — Она помолчала. — Он был ярким.

Павел встал. Прошёлся по берегу. Вернулся. В его движениях было слишком много огня, который он сдерживал.

— Алексей никогда не был одарённым, — сказал он. — Никогда. Мы знали его годами. Он был обычным. Он был... Он не закончил.

Артур смотрел на воду.

— Значит, что-то изменилось, — сказал он.

— Что могло измениться? — спросил Павел.

— Не знаю. — Артур поднял голову. — Но в тот день на плато произошло много странного.

Он посмотрел на меня.

Я молчала. Думала. В голове крутились обрывки — свет, Дверь, Тёмный, слова о ключе. Что-то не складывалось. Что-то было рядом, но я не могла ухватить.

— Темный считал меня Ключом, — сказала я наконец. — Но я не смогла закрыть дверь. Если сила Алексея похожа на мою, как говорит Вель, возможно... — я не договорила. Мысль еще не до конца сформировалась, и я боялась даже думать об этом.

— Он тоже ключ, — Павел озвучил то, что я не хотела произносить даже мысленно.

— Почему он ушел? — тихо спросил Артур.

Я посмотрела на него. Меня тоже волновал этот вопрос

— Это лишь наши предположения. — Павел решил поставить точку в этом разговоре. — Пока рано говорить об этом. У нас слишком мало информации.

Мы снова замолчали. Тишина была тяжёлой. Даже Вель не двигалась — сидела, глядя в огонь, и я чувствовала, как от неё идёт волна спокойствия. Она передавала нам это чувство, даже сама не осознавая этого. И я впервые поняла, насколько это ценно — вот так, без слов, давать людям покой.

— Нам нужен отряд, — сказал Артур.

— Да, — согласилась я.

— И община.

— Да.

Артур посмотрел на меня.

— Ты сможешь идти?

— Смогу.

— Это далеко.

— Знаю.

Он кивнул. Долго смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на Вель.

— Ты знаешь дорогу?

— Знаю. — Она помолчала. — Община. Большая. За стеной. Я видела. Далеко. Но видела.

— Сколько?

— Пять дней. Может, шесть. — Она посмотрела на меня.

— Если быстро. Не для вас.

— Я справлюсь, — сказала я.

Вель не ответила. Только кивнула.

Я легла у костра, накрывшись плащом. Артур устроился рядом. Павел — с другой стороны. Как всегда. Как и должно быть.

Но я не могла уснуть.

Я лежала, глядя на звёзды, и думала об Алексее. О том, что он стал одарённым. О том, что он был на плато и ушёл оттуда.

И о том, что сказал темный. «Ты повернула ключ, но за-

мок не твой».

Я закрыла глаза. Рядом дышал Артур. Павел ворочался, не спал.

И где-то, в самой глубине, я чувствовала, как нити между нами натягиваются. Тонкие. Тёплые. Живые.

Я не знала, что ждёт нас впереди. Не знала, справимся ли. Не знала, что за сила теперь в Алексее и как он её получил.

Глава 3. Страх

С измененными мы столкнулись на второй день.

Их почувствовала Вель. Мы шли вдоль русла ручья, который должен был вывести нас к знакомым местам, и я уже начала узнавать деревья. Кривые, с чёрными стволами, покрытыми мхом. Лес, который я знала годами. Лес, который вёл домой.

Вель остановилась первой.

Она замерла посреди шага, будто наткнулась на невидимую стену. Её плечи напряглись, голова чуть склонилась набок, так, будто она прислушивалась к окружающему.

— Стойте, — сказала она.

Павел остановился мгновенно. Его рука легла на меч.

— Что?

— Голод. — Вель помолчала. — Впереди. Много.

— Сколько? — спросил Артур.

— Не знаю. — Вель не обернулась. — Много. Они ждут.

— Кого?

— Еду.

Павел посмотрел на меня. Я — на Артура. Он уже считал. Я видела это по тому, как сузились его глаза, как он чуть склонил голову вправо — туда, где лес сгущался в непролазную чащу.

— Можно обойти, — сказал он. — Взять южнее, через

овраг. Это крюк. Дня на два.

— У нас нет двух дней, — сказал Павел.

— А если пойдём напрямик, рискуем нарваться на стаю. Может, не одну.

— Или на что похуже. — Павел сжал челюсти. — Вель, ты чувствуешь, сколько их? Хотя бы примерно?

Вель долго молчала. Я видела, как она вслушивается в то, чего не слышали мы.

— Десять, — сказала она наконец. — Может, больше. Близко к воде. Они всегда у воды.

Она сказала это ровно. Без страха. Просто информация.

Павел и Артур переглянулись. Я знала этот взгляд. Так они решали всегда — молча, без слов, за секунду.

— Идём напрямик, — сказал Павел.

— Согласен, — ответил Артур.

Я не спорила. В обход — два дня. Два дня неизвестности. Может, там будет хуже. Может, там будет больше. Может, там не будет воды. Мы шли домой, и каждый день был на счету.

— Яна, — Павел обернулся. — Ты в стороне. Не приближайся.

— Я и не собиралась.

— Я серьёзно.

— Паш.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Вель, — сказал Артур. — Ты с нами или в стороне?

— В стороне. — Она не колебалась. — Я не боец.

— Тогда держись рядом с Яной.

Она кивнула. Мы пошли дальше.

Стая ждала нас у излучины ручья.

Они стояли на берегу, и в первое мгновение я не поняла, кто это был раньше. Один — крупный, бурый, с чёрной мордой, облезлой шерстью и тремя рядами зубов в разинутой пасти. Второй — поменьше, но быстрее, с длинными лапами и гладкой кожей, как у ящерицы. Остальные — где-то между. Уродливые, разные, но одинаково голодные.

Они не двигались. Смотрели.

Павел шагнул вперёд. Артур — вбок, заходя с фланга. Я осталась на месте, рядом с Вель. Мы стояли в десятке шагов от схватки, и я чувствовала, как внутри меня что-то тянется — к их силе. Раньше я всегда сама обращалась к силе, чтобы почувствовать их. Сейчас же это происходило как-то само собой.

Павел поднял руку.

Он не выхватил меч. Не стал ждать. Просто выбросил ладонь, и огонь сорвался с его пальцев. Не искра, не струя — стена. Пламя разлилось по воздуху, как вода, и рухнуло на первую тварь.

Тварь закричала.

Не рычание. Не вой. Крик — высокий, рвущийся, — и она вспыхнула целиком. Кожа, шерсть, кости — всё занялось мгновенно, и горящая туша покатилась по земле, оставляя

чёрный след. Вторая бросилась вперёд. Павел не успел погасить пламя — оно ударило по ней само, будто живое, будто зверь, которого он держал на цепи и который сорвался.

Он отшатнулся. Впервые на моей памяти — отшатнулся от своего огня.

— Павел! — крикнул Артур.

— Я в порядке!

Он соврал. Я видела, как дрожат его руки, как он пытается удержать то, что рвётся наружу. Огонь вокруг него метался, искал выход, лизал землю, плавил камни. Слишком много. Слишком ярко. Слишком быстро.

Артур ударил льдом.

Он хотел сковать только тех, что бежали слева. Но лёд вырвался из земли волной — широкой, могучей, — и заморозил всё на своём пути. Трёх тварей, кусты, камни, часть берега. Вода в ручье покрылась коркой, и лёд пополз вверх по течению, туда, где стая ещё не успела сдвинуться.

Артур опустил руки. Посмотрел на них. Я видела, как он сжал пальцы, пытаясь вернуть контроль.

— Мы справимся, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Павел.

Они справились.

Твари рвались к нам, но каждый раз напарывались на стену огня или на лезвие льда. Павел сжёг четырёх. Артур заморозил ещё трёх, и когда лёд начал трескаться, Павел добавил огня — и твари, наполовину льдины, наполовину угли,

осыпались на землю.

Остальные отступили.

Не сразу. Они кружили по берегу, пытаясь зайти с флангов, но каждый раз натыкались на огонь или холод. И тогда, один за другим, они ушли в лес. Растворились между стволами так быстро, будто их и не было.

Я стояла. Смотрела. И не двигалась.

Потому что одна тварь не ушла.

Она выскочила из кустов слева — большая, с раздутой шей и кривыми клыками, облепленными чёрной слюной. Она не бежала к Павлу или Артуру. Она бежала к нам.

Я потянулась к силе. К тому, что возвращалось во мне по капле. Но я понимала, что не успею. Я была слишком слаба, чтобы воспроизвести хоть что-то. И я знала: она почувствовала это. Почувствовала, что я — лёгкая добыча.

Она прыгнула.

Вель шагнула вперёд.

Она не выбросила руку. Не вскрикнула. Просто шагнула между мной и тварью, и от неё пошла волна.

Я почувствовала это всем телом — как удар. Холод, который прошёл сквозь меня, не задев, но заставив сжаться. Тварь замерла в полупрыжке. Не остановилась — именно замерла, будто наткнулась на невидимую стену. Её глаза — жёлтые, мутные — расширились. Из горла вырвался звук. Не рычание. Скулёж.

Она рухнула на землю. Отползла. Отвернулась. И побежа-

ла. Так быстро, как я не видела, чтобы бегали изменённые. Она ломилась через кусты, ломая ветки, и через несколько секунд её уже не было слышно.

Вель опустила руку.

Она не смотрела на меня. Просто стояла.

— Что это было? — спросила я.

— Страх. — Вель помолчала. — Она испугалась. Я показала ей то, чего она боится больше всего.

— Что?

— Себя. Голод. Пустоту. — Она смотрела в лес, куда убежала тварь. — Они не думают так, как мы. Но они помнят, что когда-то были другими. И боятся вернуться туда. Туда, где нет ничего.

Я молча смотрела на неё.

Я чувствовала её силу. Не так, как раньше, когда она просто шла рядом. Теперь — вблизи, после того как она её использовала, — я ощущала её иначе. Не страх. Но что-то, что могло стать страхом. Могло стать ужасом. Могло стать чем угодно, чем она хотела.

И я поняла, насколько она сильна. По-настоящему сильна. Не в смысле битвы. В смысле того, что она могла сделать с людьми, если бы захотела.

Я не боялась её. Но я поняла, почему она живёт одна.

Павел и Артур подошли. Они были в крови, в копоты, в льду. Павел держал меч, но огонь на лезвии уже гас. Артур вытирал руки о штаны — лёд на его пальцах таял, капал,

оставлял мокрые следы.

— Что случилось? — спросил Павел, кивая на лес. — Мы видели, как одна рванула в вашу сторону.

— Она подошла ко мне, — ответила я. — Вель её прогна-
ла.

Павел посмотрел на Вель. Долго. Потом кивнул.

— Как?

— Страхом, — сказала Вель. Не обернулась. — Я показала ей то, чего она боится.

— Что?

— Себя.

Павел ничего не сказал. Только посмотрел на меня — оценивающе, как будто взвешивал что-то. Потом убрал меч в ножны.

— Спасибо, — сказал он.

Вель не ответила. Она уже шла дальше по берегу, туда, где лес редел и угадывались знакомые очертания. Как будто ничего не произошло.

Вечером мы разбили лагерь на опушке.

Павел разжёг костёр — на этот раз осторожно, медленно, удерживая силу. Огонь получился ровным. Он сидел у пламени, глядя на свои ладони, и я видела, как он учится заново. Как будто держит в руках что-то, что стало тяжелее и опаснее.

Артур сидел рядом. Молчал. Тоже смотрел на руки.

Я чувствовала их силу. Она бурлила под кожей — глубоко-

кая, тёплая, слишком большая для них. Они ещё не научились с ней жить. Но научатся. Я знала это.

Вель сидела чуть поодаль. Смотрела в огонь. Она всегда смотрела в огонь, как будто там было что-то, чего не было в другом месте.

Я подошла. Села рядом. Не близко — на расстоянии шага, чтобы она не чувствовала себя в ловушке. Так я делала с Дамиром. Так я делала с Мишей. Так я делала со всеми, кто боялся.

Вель не посмотрела на меня. Но не отодвинулась.

— Расскажи, — сказала я. Тихо.

— О чём?

— О себе.

Она молчала долго. Я не торопила.

— У меня была дочь, — сказала она наконец. — После Катастрофы. Я родила её уже тогда. В руинах. Когда мир разваливался.

Она говорила ровно. Как всегда — короткими фразами. Но в этих фразах было больше боли, чем в любых длинных речах.

— Ей было четыре. Мы жили в лагере. Небольшом. У реки. — Она помолчала. — Потом пришли твари. Ночью. Я не успела.

Она замолчала. Смотрела в огонь.

— Она умерла у меня на руках. И тогда я почувствовала это впервые. Дар. Он открылся. В тот самый момент. — Вель

сжала пальцы. — Я ничего не поняла. Просто почувствовала, как что-то рвётся наружу. Волна. И все вокруг начали кричать. От страха.

— Ты не хотела.

— Нет. — Она покачала головой. — Но это не имело значения. Я не умела это контролировать. Тогда. — Она подняла на меня глаза. — Я и сейчас не умею. Просто научилась прятаться.

— Поэтому ты ушла.

— Да. Люди стали бояться меня. Сначала я думала, что это временно. Потом поняла: нет. Это навсегда. Каждый, кто был рядом, чувствовал то, что я не хотела отдавать. И уходил.

Она снова замолчала. В костре треснула ветка.

— Семь лет, — сказала она. — Я живу одна. Сначала было тяжело. Потом привыкла. Потом перестала помнить, что бывает иначе.

— А теперь?

Она посмотрела на меня. Долго.

— Теперь я чувствую вас. Вас троих. — Она перевела взгляд на Павла и Артура. Потом снова на меня. — И это... странно.

— Что странно?

— Страх есть. — Она помолчала. — У тебя. У него. У обоих. Но он не главный.

Она замолчала. Подбирала слова — как всегда, короткие,

точные.

— Раньше было иначе. У людей страх всегда сверху. Как вода. Всё остальное — под ним. У вас — по-другому. У вас сверху иное.

— Что? — тихо спросила я.

Вель посмотрела на меня. Долго.

— Не знаю, как назвать, — сказала Вель. Она посмотрела на Павла. — Внутри него бушует пламя. Оно выжигает любовью страх. Согревает. И все время горит для кого-то.

Потом на Артура.

— Внутри него — тишина. Это похоже на горную реку, окованную льдом. Его страх скрыт под этим льдом. От него исходит спокойствие.

И снова ее взгляд вернулся ко мне.

— А у тебя... — она замолчала. — Ты боишься. За них. За других. Боишься той ответственности, что взвалила на себя. Боишься не успеть. Но этот страх не владеет тобой. Ты не пытаешься его спрятать. Ты делаешь его своей силой. Я чувствую силу, а не страх.

Она замолчала. Отвела взгляд. Посмотрела в огонь.

— Я забыла, что так бывает, — сказала она. — Когда страх — не главное.

Я не стала спрашивать дальше. Просто сидела рядом. Молча.

Дорога до общины заняла ещё три дня.

Мы шли легко. Без приключений. Ни тварей, ни Тёмных,

ни странных звуков в лесу. Только деревья, стрекот насекомых, пение птиц и земля под ногами, которая с каждым шагом казалась все роднее. Я узнавала места — вон там мы собирали воду после одного из рейдов, а вон за тем холмом был лагерь, который мы разбивали два года назад.

Артур шёл уже сам. Твёрдо. Павел держался рядом, но уже не так настороженно, как в первые дни. Я видела, как они все время пытаются обуздать свою новую силу.

Павел постоянно боролся с собой. Он привык, что огонь — это ярость, движение, напор. А теперь сила стала больше, чем он мог удержать в привычных рамках. Он пробовал согреться — и зажигал не маленький огонёк, а целый костёр в ладони. Пробовал осветить путь — и пламя вспыхивало так ярко, что приходилось зажмуриваться. Каждый раз он гасил его резко, стиснув кулак, и смотрел на обожжённую ткань, на почерневшие пальцы. Злился. Начинал снова. И снова получалось слишком много.

Я видела, как сложно ему приходится. Как он пытается удержать то, что рвётся наружу. Он привык полагаться на чувство, на инстинкт — а инстинкт теперь обманывал. Давал больше, чем нужно.

Артур был другим.

Он подходил к силе так же, как подходил ко всему. Медленно. Точно. Терпеливо. Он садился в стороне, вытягивал руку и создавал лёд — маленький, ровный, идеальный. Первая пластина получилась слишком толстой. Он посмотрел на

неё, нахмурился и сделал вторую. Тоньше. Третью — ещё тоньше. К концу вечера он держал на ладони ледяной лист, прозрачный, как стекло, и я видела, как в нём преломляется свет костра.

Он делал это не потому, что было легко. А потому, что не позволял себе иначе. Он привык контролировать всё. Свои руки. Свои эмоции. Свою боль. Теперь — свою силу. И там, где Павел брал напором, Артур брал выдержкой.

Я смотрела на них и думала: они всегда были такими. Огонь и лёд. Не только по дару. По сути.

Павел злился на себя. Артур просто ждал, пока получится. И оба учились. Медленно. Через ошибки. Но учились справляться с собственной силой заново.

Вель шла с нами. Молча. Ровно. Она не сближалась, но и не отдалялась. Просто была рядом. Как будто место рядом с нами было тем, где она могла дышать.

На третий день мы вышли к знакомой опушке.

Я остановилась первой.

За деревьями угадывались стены. Высокие, из брёвен, укреплённые металлом. Знакомые. Родные.

Община.

Павел остановился рядом.

— Дошли, — сказал Артур.

Я не ответила. Просто смотрела. Смотрела на стены, которые я знала двенадцать лет. На вышки, где дежурили дозорные. На дым из труб, который поднимался в серое небо.

Дом.

Я стояла и смотрела, и внутри меня что-то сжималось. Не страх. Не радость. Что-то, чему я не могла дать названия. Как будто я возвращалась не туда, откуда ушла. Как будто стены, которые я знала, стали другими — или это я стала другой.

За спиной Вель переступила с ноги на ногу. Я чувствовала её — как она напряжена, как вбирает плечи, как старается занимать меньше места. Люди. Много людей. Она чувствовала все их эмоции и это давило на неё.

Павел положил руку мне на плечо. Не сказал ничего. Просто стоял рядом.

Я посмотрела на стены ещё раз. На дым. На небо.

— Идём, — сказала я.

И мы шагнули из леса.

Глава 4. Нити

Община встретила нас равнодушно.

Мы вошли через восточные ворота, и я сразу почувствовала разницу. Раньше, когда отряд возвращался из рейда, у ворот собирались люди. Кто-то встречал родных, кто-то просто глазел, кто-то приносил воду и еду. Теперь — ничего. Женщина с ведром прошла мимо, даже не обернувшись. Мальчишка с собакой пробежал, не поднимая головы. Двое мужчин у кузни о чём-то спорили и не заметили нас.

Я знала почему. Они не понимали, что произошло. Не знали, что мы сделали. Не знали, что Дверь, о которой они даже не слышали, осталась приоткрытой. Для них мы просто ушли и вернулись. Как уходили и возвращались десятки раз.

Только дозорные на вышке смотрели нам вслед.

— Как будто нас тут не ждали, — тихо сказала Вель.

Она шла за нами, на расстоянии шага. Плечи вобранны, капюшон натянут. Я чувствовала, как ей тяжело. Люди вокруг. Их эмоции. Их равнодушие, которое она читала как шум.

— Ждали, — ответила я. — Обычные люди не в курсе событий.

Она не ответила.

Мы шли по главной улице. Я узнавала каждый дом, каждый забор, каждую трещину в стенах. Всё было знакомо. И всё казалось чужим.

А потом я услышала шаги.

Быстрые. Торопливые. Кто-то бежал.

Я обернулась.

Лина.

Она вылетела из-за угла дома, чуть не сбив с ног женщину с корзиной, и остановилась в нескольких шагах. Смотрела. Долго. Как будто не верила. Потом её лицо изменилось — и она бросилась ко мне.

Обняла так крепко, что перехватило дыхание. Её руки дрожали. Она что-то говорила — быстро, сбивчиво, — но я не разбираю слов.

— Я тебя убью, — сказала она наконец, отстраняясь. — Слышишь? Я тебя убью за то, что заставила меня так волноваться.

— Мы же вернулись. — сказала я с широкой улыбкой. Я была безумно рада ее увидеть.

Она усмехнулась — сквозь слёзы, которые тут же вытерла рукавом, — и снова обняла меня. Потом переключилась на Павла и Артура. Она не стеснялась и не сдерживалась. Она просто была рада нашему возвращению.

А из-за её спины уже шли остальные.

Саймон вышел первым.

Он был огромный — ещё больше, чем я помнила. С рас-сечённой бровью, которую, судя по всему, так и не залечил. С улыбкой, которая появилась, как только он нас увидел.

— Ну наконец-то, — сказал он. — А мы тут думали, что

вы решили устроить себе отпуск.

— Были мысли, но без вас скучно.

— Кто бы сомневался!

Он обнял меня. Крепко. Так, что хрустнули рёбра. Пожал руку мужчинам и тоже крепко их обнял.

А потом он увидел Вель. Не знаю, что именно его так зацепило, но он смотрел пристально и не мог отвести от нее взгляда.

Вель была не из робких и встретила этот взгляд прямо, не опуская глаз. Но и не улыбнулась. Просто стояла и смотрела в ответ.

— Это Вель, — сказала я. — Она с нами.

Саймон кивнул. Медленно.

— Вель, — повторил он. Как будто пробовал имя на вкус.

Она чуть склонила голову. Едва заметно. Но этого было достаточно.

Саймон отступил на шаг. Не ушёл. Просто встал чуть в стороне, и я видела, как он то и дело поглядывает.

Нора подошла следом. Она была бледной, как всегда. С берушами на шее, с тёмными кругами под глазами. Но когда увидела нас, что-то в ней дрогнуло. Она улыбнулась, и эта улыбка осветила ее уставшее лицо.

— Я слышала вас, — сказала она. — Уже пару часов как. С самого леса.

— И не сказала никому?

— Сказала. — Она посмотрела на Лину. — Они не пове-

рили.

— Мы поверили, — буркнула Лина. — Просто боялись сглазить.

— Не поверили, — отрезала Нора.

Лина только вздохнула.

Нора подошла ближе. Посмотрела на Вель. Долго. Потом на меня.

— Она тоже слышит, — сказала я. — Только иначе.

Нора кивнула. И теперь все ее внимание было приковано к Вель. Она смотрела на нее с пониманием. С тем самым пониманием, которое было доступно только ей, как единственной из нас, для кого не существует тишины.

Они посмотрели друг на друга. Две женщины, которые жили с шумом внутри. Разным. Но одинаково измотанные.

Нора молча взяла Вель за руку и пожала ее. Это был скорее жест поддержки, а возможно, началом зарождающейся дружбы.

Рэй подошёл молча.

Он тоже обнял меня, но не сказал ничего. Просто встал рядом. Так, как всегда. И я почувствовала его присутствие — спокойное, надёжное, как камень под ногами. Мужчины обменялись рукопожатиями и какими-то, только им понятными взглядами. Это было похоже на разговор без слов, где все понимали друг друга и так.

Арден стоял в стороне. Смотрел. Его тёмные глаза скользили по нам — по мне, по Павлу, по Артуру, по Вель. Оце-

нивали. Считали. Искали то, что скрыто. Потом он кивнул. Коротко. И этого было достаточно.

Дамир стоял позади всех. Он всё ещё хромал — рана давала о себе знать, — но держался прямо. Смотрел на нас. И я видела, как он борется с собой. Как хочет подойти, но не решается.

Я подошла сама.

— Как ты? — сказала я.

— Все в порядке.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом на Павла. На Артура. И что-то в его лице дрогнуло. Облегчение. Настоящее.

— Я хотел поговорить, — начал он. И замолчал. Не смог.

— Конечно, — сказала я. — Мы обязательно поговорим.

Он кивнул. И отвёл взгляд.

Том был с женой и дочками. Девочки уцепились за его ноги, глядя на нас широко раскрытыми глазами.

— Живые, — сказал он.

— Как и обещали. — я отвечала с улыбкой. Мне было радостно видеть их облегчение и понимать — нас действительно ждали и в нас верили!

Он отстранился. Посмотрел на Вель. Потом на меня.

— Вы привели новенькую?

— Да.

Он кивнул. И — неожиданно — улыбнулся Вель. Открыто. Тепло.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Вель посмотрела на него. И отвела взгляд, когда он зацепился за его дочерей. Но все же смогла взять себя в руки и слегка кивнуть, чувствуя искренность и доброжелательность, которая исходила от Тома.

Миша стоял в стороне. Худой, бледный, но уже не такой, как раньше. Что-то в нём изменилось. Что-то окрепло. Он хотел подойти, это было заметно по его порывистым движениям, но все же остался на месте. Наверное, боялся быть не уместным. Меня рассмешила это сдержанность, и я помахала ему рукой. Он улыбнулся в ответ и сразу расслабился.

Виталий был рядом с ним. Он тоже не стал подходить. Лишь кивнул нам издалека. Было заметно, что он тоже рад нашему возвращению.

Когда все наконец то обменялись приветствиями, я заметила, что на часть отряда как будто набежала тень.

Нора, Вера, Арден, Ида и Марк стояли вместе. После первых, самых радостных эмоций, они вспомнили о том, что ушли. И было понятно, что это заставляет их сомневаться в себе и чувствовать себя виноватыми.

Я подошла к ним.

— Вы все сделали правильно, — сказала я.

Нора покачала головой.

— Мы ушли.

— Вы вернулись, что предупредить и рассказать о Темных. Это было важно.

— Мы не помогли.

— Это не так. Да, в бою с Темными ваши силы не работали, но это не ваша вина. Мы справились. И главное, все остались живы.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом кивнула. Но я видела: она не сама в это не верит.

Вера не сказала ничего. Просто подошла и обняла меня. Молча. Крепко. И отошла.

Ида и Марк держались за руки. И одно это стоило нашей последней вылазки и всех сложностей, что мы преодолели. Я была очень рада за них.

Во мне будто разгорался огонек счастья. От нашего возвращения, от лиц близких мне людей, от понимания, что нас ждали.

— Яна! — голос Артура был обеспокоенным.

Я обернулась к нему, все также продолжая улыбаться. И все сильнее ощущая жар в районе груди. На лицах друзей читалось недоумение. А Павел и Артур явно были напуганы. Я не понимала, что происходит. Опустила взгляд вниз и заметила свет.

Он исходил от моих рук. Но я не чувствовала никакой силы. Только все нарастающее тепло внутри тела.

И тут мир взорвался. Я пошатнулась и ослепла на несколько мгновений. А когда смогла проморгаться, поняла, что больше не свечусь. Я совершенно потерялась в происходящем. Подняла глаза от своих рук и чуть не упала снова.

Люди вокруг меня смотрели с недоумением. Павел и Ар-

тур уже подошли вплотную, но они тоже не понимали, что происходит.

А я видела.

Нити. Они были везде. Тонкие, дрожащие, переплетённые между собой. Они тянулись от Павла ко мне — яркие, горячие, как его огонь. От Артура — прохладные, ровные, как лёд. Они тянулись от Лины к Саймону, от Саймона к Вель, от Иды к Марку. От каждого человека к другому. К домам. К деревьям. К небу.

И все они сходились в одной точке. Во мне.

Я видела их так же ясно, как когда-то чувствовала силу одарённых. Только теперь это было не про силу. Это было про связи. Про то, что делает нас — нами.

— Яна, — Павел взял меня за руку. — Ты как?

— Я в порядке. — Я не отводила взгляда от нитей. — Я вижу их.

— Кого?

— Всех. Всё. — Я наконец посмотрела на него. — Нити. Они связывают нас. Всех. И меня.

Артур подошёл с другой стороны. В его глазах было то же, что и у Павла — тревога, смешанная с чем-то другим. С пониманием.

— Это то, что она говорила? — тихо спросил он. — Там. На плато. Про узел.

— Да, — сказала я. — Только теперь я вижу это. По-настоящему.

Лина подошла ближе. Она смотрела на меня с тревогой.

— Тебе нужно в лазарет, — сказала она. — Сейчас. Проверить, всё ли в порядке.

— Лина, я в порядке. Правда.

— Ты светилась, — отрезала она. — Твоя сила никогда так не проявлялась. А потом тебя шатать начало. И со зрением явно не все в порядке.

Я хотела возразить, но поняла, что она права. Слишком много всего. Слишком быстро.

— Хорошо, — сказала я.

Павел не отпустил мою руку. Артур встал с другой стороны. Так они и повели меня — через двор, мимо притихших людей, которые всё ещё смотрели нам вслед. Я шла между ними, и нити тянулись от них ко мне — две яркие струны, тёплые и прохладные, сплетённые где-то глубоко в груди.

Я закрыла глаза.

Нити никуда не исчезли. Они были там же — за веками, в темноте, в самом центре меня. Я чувствовала их. Все. Каждую. И знала: теперь это стало частью меня — навсегда.

Дверь лазарета открылась. Пахнуло травами и спиртом.

Лина вошла первой. Я — за ней. Павел и Артур остались на пороге, и я чувствовала их взгляды на своей спине. Тревожные. Внимательные. Живые.

Я обернулась. Посмотрела на них. На нити, которые тянулись от них ко мне. Улыбнулась.

— Я в порядке, — сказала я. — Правда.

Я не лгала. Это действительно было так. Я чувствовала себя лучше, чем когда-либо. Нити пульсировали ровно, тепло, спокойно. Мир вокруг был ясным, живым, связанным.

А потом в глазах резко потемнело.

Силы ушли мгновенно. Как вода из пробитого сосуда. Я почувствовала, как подкашиваются ноги, как пол уходит из-под них, как тело становится чужим и слишком тяжёлым.

— Яна!

Павел успел первым. Его руки сомкнулись на моих плечах, потом — на спине. Он подхватил меня прежде, чем я успела коснуться земли. Артур уже был рядом, поддерживая с другой стороны.

— Я держу, — сказал Павел. — Держу.

— Клади ее, — коротко бросила Лина.

Она уже подошла к кровати. Павел легко, как пушинку, отнес меня. Я хотела сказать, что могу сама. Хотела возмутиться. Но язык не слушался. Веки стали тяжёлыми. Нити начали расплываться, тускнеть, уходить куда-то в глубину.

Кровать была мягкой. Подушка — прохладной. Чьи-то руки — Павла или Артура, я уже не понимала, — накрыли меня одеялом.

— Отдыхай, — сказала Лина. Она стояла рядом, и в её голосе было не раздражение, а что-то другое. Что-то, что она редко позволяла себе показывать. — Всё остальное подождёт.

Я хотела ответить. Но сил не было даже на слово.

Только нити. Они всё ещё были там. Тусклые, далёкие. Но живые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.